

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ТИПОЛОГИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Александр Владимирович Лукин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 13 апреля 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i> 31 мая 2021</p>	<p>Аннотация: В статье анализируется характер политической системы современного Китая в контексте типологии коммунистических политических режимов. Автор утверждает, что предлагавшиеся до сегодняшнего дня типологии коммунистических режимов являются малополезными, так как различия между режимами рассматривались недостаточно глубоко, при этом как критерий типологических различий фактически не использовался фактор идеологии. В статье предлагается новая типология коммунистических режимов, в которой ключевым критерием служит именно идеологический фактор. На основе анализа различных коммунистических режимов в соответствии с идеологическим критерием автор выделяет три основных типа коммунистических режимов: левокоммунистический, правокоммунистический и бюрократический, и определяет нынешний китайский режим как эволюционирующий от правокоммунистического к бюрократическому. Автор заключает, что китайский политический эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише, все еще господствующих в мировой политологии и исторической науке, и новая типология коммунистических режимов может послужить полезным инструментом как для его анализа, так и для выяснения перспектив развития Китая.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: lukinru@yahoo.com</p>	
<p>Ключевые слова: политический режим; коммунизм; социализм; Китай; правый коммунизм; левый коммунизм; бюрократия</p>	<p><i>Статья подготовлена при грантовой поддержке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.</i></p>

В современном Китае происходят значительные политические изменения. Нынешний китайский лидер решительно изменил установившуюся систему наследования власти, автором которой был архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Си Цзиньпин отменил введенное в 1982 в конституцию положение об ограничении двумя сроками нахождения в должности Председателя КНР, значительно централизовав систему управления и вновь усилив в ней роль партийных органов по отношению к государственным, передав принятие основных решений от традиционных министерств и отделов ЦК КПК многочисленным руководящим группам, большинство из которых он возглавляет лично. Во внешней политике руководство Си Цзиньпина фактически отказалось от выдвинутого тем же Дэн Сяопином принципа «скромности» во внешней политике. Согласно официаль-

ной китайской идеологии, новая теория государственного управления составляет одну из основ «идей Си Цзиньпина», которыми, наряду с положениями основателей марксизма и некоторых других китайских лидеров, должны руководствоваться народы Китая. Это положение в 2018 г. было закреплено в Конституции страны. Однако наиболее важным, с точки зрения китайских властей, изменением, стало проведение многоплановой реформы государственного управления, которую зарубежные наблюдатели окрестили «пятой модернизацией»¹.

Официальная китайская пропаганда провозглашает, что управленческие теории

¹ Thayer, Bradley, A.; Han, Lianchao. China's 'Fifth Modernization' Shows Its Intent to Lead the World // The Hill, 29.11.2019. Mode of access: <https://thehill.com/opinion/international/471888-chinas-fifth-modernization-shows-its-intent-to-lead-the-world>

и политика Си Цзиньпина представляют собой совершенно новый этап социалистического строительства, который призван адаптировать марксистскую теорию в ее интерпретации предыдущими выдающимися китайскими лидерами: Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином (их имена и концепции содержатся в конституции), – к «новой эпохе социализма с китайской спецификой». Таким образом, закрепляется роль Си как крупного теоретика «социализма с китайской спецификой» и выдающегося политического лидера, завершившего достижение основных целей китайской революции. Схема примерно такова: Мао Цзэдун объединил Китай и сделал его независимым от империализма, Дэн Сяопин смог достичь прорыва в экономическом развитии, сократив разрыв с развитыми странами и создав базу для создания зрелого социалистического общества, Си Цзиньпин окончательно вывел Китай на уровень развития передовых государств и исполнил «китайскую мечту» – вернул страну в число великих мировых держав, преодолев период «унижений», начавшийся с поражений в «опиумных войнах». Таким образом, легитимизируется власть коммунистической партии и ее политика: никакая другая власть этого сделать не смогла, хотя попытки предпринимались и в период поздней Цинской империи, и различными лидерами Китайской Республики.

Для того, чтобы понять, действительно ли сегодняшние власти Китая создают некую принципиально новую систему управления и как эта система соотносится с другими коммунистическими моделями, необходимо рассмотреть типологию коммунистических режимов в целом.

Типы коммунистических режимов

Перед тем, как говорить о типах коммунистических режимов, необходимо пояснить, что мы под ними понимаем. Здесь существует два подхода. В немарксистской политологической литературе под коммунистическими режимами обычно понимаются режимы государств, где у власти стоят партии, которые либо прямо называют себя коммунистическими, либо провозглашают

свою приверженность конечному построению коммунизма и ориентацию на крупные коммунистические партии (например, советскую или китайскую).

Второй подход – марксистский. Согласно теории К. Маркса, коммунизм в чистом виде, то есть бесклассовая ассоциация, основанная на принципе «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»², где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³, где нет денег и государства, конкуренция заменена ассоциацией, средства производства принадлежат обществу в целом, а само производство ведется по общественному плану – такой строй пока не был построен ни в одной стране, и вообще, если говорить собственно об учении К. Маркса и Ф. Энгельса, он не достижим в отдельной стране, так как коммунистическая революция должна произойти одновременно во всех цивилизованных странах (согласно Ф. Энгельсу, по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии)⁴. Однако еще К. Маркс отмечал, что подобного уровня общество достигнет лишь на высшей стадии коммунизма,

² Маркс К. Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 20. [Marx, Karl. Kritika gotskoj programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 20.]

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 447. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 447.]

⁴ Энгельс Ф. Принципы коммунизма / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 329-330, 334. [Engels, Friedrich. Printsipy kommunizma (The principles of communism) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. Pp. 329-330, 334.]

до этого же оно будет сохранять некоторые «родимые пятна» старого⁵. Этот первый, не вполне совершенный этап коммунизма был назван В.И. Лениным «социализмом». В то же время Ленин считал, что «поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»⁶. Все коммунистические партии, придя к власти и проведя соответствующие реформы, называли свои общества «социалистическими». Таким образом, и с точки зрения марксизма все режимы в государствах, где правят коммунисты, вполне можно называть коммунистическими.

Как это ни странно, типология коммунистических режимов разработана крайне слабо. Большая часть авторов, как в самих коммунистических государствах, так и вне их, обращало основное внимание на их сходство или отличия от других политических систем⁷ или на общность между собой⁸. Так, например, А. Браун, признавая, что между отдельными членами разных коммунистических партий и некоторыми коммунистическими государствами суще-

ствовали значительные различия во взглядах на то, что представляет из себя коммунизм, заключил, что все коммунистические системы объединяет шесть основных характеристик. В политике – это монополия на власть коммунистической партии и принцип «демократического централизма», в экономике – некапиталистическая собственность на средства производства и доминирование командно-административных методов экономического управления над рыночными, в идеологической сфере – декларирование построения коммунизма в качестве конечной цели системы, оправдывающей ее существование, и чувство принадлежности к международному коммунистическому движению⁹. Западная политическая наука концентрировалась также на сравнении коммунистических политических и экономических систем с другими, например, фашистскими в рамках концепции тоталитаризма, традиционными, рыночными и организационными обществами, с коммунистическими партиями в демократических государствах Запада и др¹⁰.

Гораздо меньше авторов изучали отличия коммунистических режимов друг от друга, хотя призывы делать это раздавались довольно часто¹¹. Например, Дж. Монтиас в вышедшем в 1975 г. сборнике выделил четыре типа коммунистических экономических систем, различающиеся по организации экономического процесса: мобилизационные, централизованные, децентрализованные-административные и системы рыночного со-

⁵ Маркс К. Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 18. [Marx, Karl. Kritika gotskoj programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 18.]

⁶ Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 98. [Lenin, I.V. Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution) // Lenin I.V. Polnoe sobranie sochinenii (Collected Works). 5th ed. Vol. 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. P. 98.]

⁷ Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300-313.

⁸ Holmes, Leslie. *The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration*. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. *Politics in the Communist World*. Oxford: Clarendon Press, 1986.

⁹ Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150-160. [Brown, Archie. *Vzlet i padenie kommunizma (The Rise and Fall of Communism)*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014. Pp. 150-160.]

¹⁰ Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1956; Roberts, Andrew. *The State of Socialism: A Note on Terminology* // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349-366.

¹¹ Meyer, Alfred G. *The Comparative Study of Communist Political Systems* // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3-12; Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) *Communist Studies and the Social Sciences*. Chicago: Rand McNally, 1969.

циализма¹². К. Бек в том же сборнике писал о трех типах коммунистических политических режимов Восточной Европы: интегрированном (ГДР), гегемонистском (Польша и Венгрия) и партийно-центральном (Болгария и Румыния)¹³. Но таких примеров немного.

Типология по признаку идеологии

С учетом того факта, что коммунистические режимы сформировались на основе коммунистической идеологии, причем формирование идеологии предшествовало созданию собственно государств, а государство строилось по идеологическим лекалам, гораздо более обоснованным представляется строить типологию коммунистических режимов именно на основе сходства и различия идеологических постулатов, заложенных в их основу.

Конечно, коммунистическая идеология в каждом конкретном государстве сталкивалась с существующими там реалиями, с традиционной политической и экономической культурой, что приводило к существенной степени индигенизации. Споры о том, является ли российский или китайский коммунизм простым продолжением культурной традиции этих стран, или чем-то совершенно новым, шли с самых первых дней возникновения коммунистической России и КНР. В России, например, радикальным сторонником теории возрождения традиции выступал Н.А. Бердяев, уже в 1918 г. написавший следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину...

Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие го-голевские морды и рожи»¹⁴. Позже он развил эти идеи в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», находя корни большевизма в идеях русских мыслителей и революционеров XIX века¹⁵. Для Китая сходную позицию выразил, например, известный гарвардский политолог-китаевед Л. Пай: «Комбинация бюрократической иерархии и идеологического подчинения управляла почти всеми измерениями традиционной китайской политической культуры. Как отмечали многие наблюдатели, коммунисты снова дали китайцам политическую систему, сконцентрированную вокруг бюрократической иерархии, на этот раз в форме коммунистической партии, и вновь интегрированную всепроникающей идеологией – марксизмом и маоизмом... Важно, что имперская бюрократия и коммунистическая партия в процедурной практике, так же, как и конфуцианство и маоизм в идеологическом содержании, ясно подчеркивали вопросы власти и порядка»¹⁶.

Противоположную позицию высказывал другой известный американский китаевед Дж. Левинсон, в своей трилогии «Конфуцианский Китай и его современная судьба» утверждавший: «Трансформированная и отброшенная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле, и, таким образом, прельстив их новой док-

¹² Montias, John M. A Classification of Communist Economic Systems. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) *Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics*. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1974. P. 39.

¹³ Beck, Carl. *Patterns and Problems of Governance*. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) *Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics*. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975. Pp. 138-141.

¹⁴ Бердяев Н.А. *Духи русской революции // Вехи. Из глубины*. М.: Правда, 1991. С. 251. [Berdyayev N.A. *Dukhi russkoi revoliutsii (Spirits of the Russian Revolution) // Vekhi. Iz glubiny (Milestones. From the Depth)*. Moscow: Pravda, 1991, p. 251.]

¹⁵ Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990. [Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma (The Origins and Meaning of Russian Communism)*. Moscow: Nauka, 1990.]

¹⁶ Pye, Lucian W. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. Pp. 15-16.

триной как ответом на их нужды»¹⁷. Идеи о том, что российский коммунизм полностью основан на чуждой иностранной идеологии, уничтожившей национальную традицию, придерживались идеологи белого движения, а позднее, например, А. Солженицын¹⁸.

Нам представляется, что оба этих подхода слишком радикальны. В реальности играла роль как идеология, пришедшая в обе страны извне, так и процесс ее адаптации к местной традиции. Однако именно в случае с коммунизмом идеология, пришедшая и в Россию, и в Китай из-за рубежа, играла ведущую роль, в особенности на этапе формирования нового государства. Отличие коммунистической теории от других систем, например, буддизма или христианства, которые также подверглись адаптации в России, Китае и других странах, в аспекте ее влияния на государственную (общественную) систему состоит в двух моментах. Во-первых, она изначально содержала в себе довольно четкую схему того, на каких принципах должно быть построено новое общество: отсутствие частной собственности, постепенное отмирание государства и создание некоей всемирной общности, государственный атеизм, постепенное уничтожение классовых и национальных различий и т.п. Во-вторых, эта схема активно и последовательно навязывалась сверху, с использованием всей мощи государственной власти, а не распространялась снизу как бы сама собой. Конечно, столкнувшись с общественными реалиями, политику по немедленному достижению этих идеалов приходилось несколько видоизменять, однако стремление их рано или поздно осуществить, пусть даже преодолевая крайне жесткое сопротивление общественного материала, нельзя понять без знания этих идеалов и идейных расхо-

ждений внутри правящих групп относительно путей их достижения. «Большой скачок» и «культурную революцию» в Китае, массовое уничтожение грамотных жителей городов в Камбодже, близкое к патологическому стремление Н.С. Хрущева уничтожить церкви и приусадебные участки в условиях, когда это очевидно вело к недовольству населения и упадку сельскохозяйственного производства, политику предоставления значительных прав республикам внутри федерации в социалистической Югославии, приведшую в конце концов к войне между ними, невозможно объяснить с точки зрения каких-либо прагматических целей. Все эти меры можно понять, только исходя из идеологии правящей верхушки, развивавшей марксизм в том или ином направлении.

Три модели коммунизма

Представления Маркса и его сотрудника Энгельса о государстве при коммунизме было довольно туманными. На втором, высшем этапе коммунизма государства быть вообще не должно. Согласно Энгельсу, с уничтожением классов и классового господства «ничего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*»¹⁹.

Как видим, однако, государство отмирает не одномоментно. В течение какого-то

¹⁷ Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

¹⁸ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. Публицистика. Париж, 1989. С. 45-65. [Solzhenitsyn, A.I. Raskaianie i samoogranichenie kak kategorii natsional'noi zhizni (Repentance and Self-Limitation as Categories of National Life) // Solzhenitsyn A.I. Publitsistika (Journalism). Paris, 1989. Pp. 45-65.]

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 292. [Engels, Friedrich. Anti-Diuring (Anti-Dühring) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 292.]

периода оно, очевидно, будет «выступать как представитель всего общества» и «брать владение средств производства от имени общества». В этот период, как сказано в «Манифесте коммунистической партии», пролетариат «использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил». Государство этого переходного периода революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²⁰.

Все эти рассуждения касаются какого-то абстрактного государства, или общества вообще. Что до судьбы конкретных государств, то из «Манифеста коммунистической партии» ясно, что они также сохранятся на какое-то время. Господство пролетариата лишь ускорит исчезновение наций, а условием всемирного освобождения пролетариата станет соединение «усилий, по крайней мере цивилизованных стран». На этом этапе нации не исчезнут, но вместе с антагонизмом классов внутри наций «падут и враждебные отношения наций между собой»²¹.

Оговорка о «цивилизированных странах» не случайна. С ростом популярности марксизма еще при жизни его основателей среди революционеров незападных стран возникли дискуссии о том, следует ли им стремиться к революции и захвату власти в условиях, когда в их странах экономические условия для перехода к коммунизму еще не созрели. Отвечая в марте 1881 г. на вопрос русской революционерки В.И. Засулич о

том, возможно ли социальное возрождение России на основе сельской общины, Маркс ответил, что «историческая неизбежность» описанного им в «Капитале» пути перехода к коммунизму, то есть на основе наивысшего уровня развития капиталистической промышленности, была им «умышленно ограничена странами Западной Европы». В России же «точкой опоры социального возрождения» может при определенных условиях стать и община, но «чтобы она могла играть эту роль, нужно было бы сперва устранить пагубные влияния, давящие ее со всех сторон, и затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»²². В написанном Марксом и Энгельсом в январе 1882 г. «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» говорится еще об одном условии: «русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга»²³. Таким образом, революция в отсталой стране все же может победить первой, но для того, чтобы она привела к коммунизму, необходима ее поддержка одновременной или произошедшей вскоре революцией на развитом Западе.

Ленин и другие русские марксисты строили свои теории на основе развития этих положений. При этом между ними велись споры о деталях трактовки построений

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 446. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 446.]

²¹ Ibid. С. 445.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. С. 137. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Sochineniia (Collected Works). Vol. 35. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1964. P. 137.]

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 305. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Predislovie ko vtoromu russkomu izdaniiu «Manifesta kommunisticheskoi partii» (Preface to the Second Russian Edition of the Manifesto of the Communist Party) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 305.]

Маркса и Энгельса, которые, после их прихода к власти из абстрактных споров маргинальных теоретиков приобрели огромное значение, а занимаемые позиции стали определять государственную политику и судьбы миллионов людей.

Став главой огромного государства, Ленин стал применять марксистские догматы довольно гибко, исходя из интересов консолидации и сохранения власти своей партии. Установив, как и полагалось, диктатуру, он поначалу сразу попытался провести рекомендуемое теорией обобществление всей собственности в рамках политики «военного коммунизма». Однако, когда эта политика потерпела крах и привела к массовым антибольшевистским восстаниям, он ввел «новую экономическую политику» (нэп), предусматривавшую более длительный переходный период и сохранение на его время некоторых элементов негосударственной собственности и частного предпринимательства. При этом он создал теорию переходного периода в отсталой стране, соответствующую этой политике, не указав, однако, на какой срок он вводится.

Так как и советское государство в России, и все другие коммунистические государства возникли в результате или после прихода большевиков к власти в СССР, можно сказать, что все они идеологически вышли из ленинизма, то есть ленинской трактовки марксистской теории. Споры между ними велись не относительно цели – строительства коммунизма. Эту цель разделяли все. Разногласия касались того, каким образом ее лучше достичь: например, какова длина периода обобществления, каков его механизм, следует ли при этом опираться на государ-

ственную бюрократию, силу материальной заинтересованности или энтузиазм народа и его перевоспитание, необходима ли мировая революция (то есть революция на развитом Западе), и когда именно: сразу, и следовательно надо ее всемерно стимулировать, или она допустима и через некоторое время, в которое первоначально возможно «построение социализма (как первого этапа коммунизма) в одной стране», а следовательно, и более осторожная политика в отношении Запада.

История сложилась так, что в разных коммунистических государствах к власти пришли сторонники разных трактовок этих марксистских вопросов. Более того, часто они боролись между собой в одной стране и сменяли у власти друг друга. Именно эти различные трактовки во многом и определили различные модели коммунистических государств.

Три модели коммунистических режимов

Исходя из этих соображений представляется возможным выделить три модели коммунизма, основанные на трех различных интерпретациях теории переходного периода, которые можно условно назвать «левокоммунистической», «правокоммунистической» и «бюрократической». Истоком всех трех моделей является марксизм в ленинской интерпретации. Несмотря на различия внутри моделей, вызванные особенностями их адаптации к национальным реалиям, каждая из них все же сохраняет некоторые существенные особенности, отличающие ее от двух других (см. Таб. 1).

Таблица 1

Особенности моделей коммунистических режимов

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Левый коммунизм	– Полное обобществление экономики – Прямое распределение. – Энтузиазм и преданность идеологии как экономический стимул.	Контроль осуществляется обществом под руководством лидера	Гарант верного курса – лидер, непосредственно обращающийся к массам	Принятие идеологии и воспитание не принявших

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Правый коммунизм	– Допущение частной собственности в мелком и среднем секторе. – Частично рыночное распределение. – Материальная заинтересованность как стимул	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти в интересах государства с учетом интересов экономики	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Постепенное повышение культурного уровня
Бюрократический коммунизм	– Полное обобществление – Плановое хозяйство. – Нематериальное и ограниченное материальное поощрение.	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Бюрократическое навязывание

Table 1. Features of communist regimes

В левокоммунистической модели полное обобществление частной собственности необходимо осуществить сразу после революции, так как считается, что именно оно может обеспечить успешное догоняющее развитие, которое будет замедляться остатками частнособственнической психологии. В этих условиях должно быть введено прямое распределение продуктов, возможно, в первое время за деньги или трудовой вклад, но в идеале – «каждому по потребности», как и положено при коммунизме. Материальная заинтересованность как стимул развития производства отвергается как вредный пережиток, в качестве основного фактора роста признается сознательная активность масс. Для усиления сознательности особый упор делается на воспитании недостаточно образованных и перевоспитании образованных неправильно, то есть зараженных буржуазной идеологией. Идеологическая обработка граждан в коммунистическом духе важна во всех коммунистических моделях, однако в левой она становится сутью деятельности режима, так как, по теории, без нее невозможно достижение его главной цели – ускоренного экономического развития с целью достижения уровня развития коммунистического общества.

Особое значение в этой модели приобретает и насильственная организация производства, типа «трудовых армий», так как в условиях отсутствия материальных стимулов и еще не полной «сознательности» населе-

ния, только жесткая организация способна заставить несознательных граждан работать с необходимой скоростью и эффективностью. Другая важнейшая черта этой модели – вождизм. Обладающий неоспоримым, почти божественным авторитетом вождь, непосредственно общаясь с народными массами, возбуждает их энтузиазм и служит для них личным примером, противостоя скрывающему народную инициативу бюрократизма государственного аппарата, который теоретически должен отмереть вместе с государством.

Правая модель, противостоящая левой, рассматривает переходный период как длительный. Для правых коммунистов более важна теоретическая, а не революционная часть марксистского учения. Будучи марксистами-ленинцами, они, в отличие от других социал-демократов, например, меньшевиков, не отрицали самой необходимости взятия власти «пролетарской партией» до создания материальной базы коммунизма, но считали, что после ее захвата эту базу следует создавать, опираясь не на энтузиазм, но на некоторые «несоциалистические методы», сохраняя ограниченное распространение частной собственности (в мелком и среднем производстве), применение материальных методов поощрения, сохранение товарно-денежных отношений и т.д. Теоретически, все это должно сохраняться до достижения уровня развития производства развитых стран, когда на основе полного обобществления можно будет осуществить принцип

«от каждого по способностям, каждому по потребностям». В политической области «диктатура пролетариата» сохраняется, однако политический контроль осуществляется легитимными органами партийно-государственной власти, причем учитываются не только идеологические интересы, но и интересы экономического роста, ради обеспечения которого коммунистические власти готовы идти на некоторые идеологические уступки, смягчающие режим. Гарантией осуществления политических целей здесь служит не личность вождя, но партийная и государственная бюрократия, которая вынуждена привлекать и воспитывать специалистов-экономистов, действующих в интересах роста. Для обеспечения такой политики упор делается не на идеологическое воспитание, но на профессиональное обучение, развитие науки и профессионального образования, без которых рост экономики, основанной на рыночных принципах, невозможен. Левые критикуют правых за неверие в человека, его сознательное желание создать новый мир после устранения единственного препятствия – частной собственности и обусловленной ее существованием капиталистической эксплуатации. Правые заявляют, что коммунистическая левизна свидетельствует об «утопизме», недооценке природы человека и трудностей перестройки его психологии, стремлении «забежать вперед», а также игнорировании того факта, что «мировая революция» запаздывает, в то время как для быстрого построения коммунизма в отсталой стране, согласно Марксу и Ленину, необходима массивная помощь пролетариата развитых стран. И те и другие аргументируют свою позицию различными элементами учения Маркса, который, с одной стороны, писал, что ни одна общественная формация «не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»²⁴, а с другой призывал к немед-

ленной революции, например, в отсталой России.

Внешнеполитические импульсы левых и правых различны. Левые склонны стимулировать «мировую революцию», так как ее длительное «откладывание» свидетельствует о полной несостоятельности их расчетов. Об этом хорошо говорил Л.Д. Троцкий, отметивший в 1925 г., что «если бы невозможное стало возможным, если бы мировой и, в первую очередь, европейский капитализм нашел новое динамичное равновесие... для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение, – то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересесть и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять-то нам приходится курьерский. Проще говоря, это означало бы, что мы ошиблись в основных исторических оценках. Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей “исторической миссии” и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета...»²⁵. Из этого следовало, что необходимо сохранять напряженность в отношениях в развитыми странами и оказывать всемерную поддержку коммунистическим партиям как в них, так и в колониях и западных государствах, стремясь превратить последние в союзников в борьбе с западными капиталистическими режимами. Для этого не нужно было боять-

нения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7. [Marx, Karl. K kritike politicheskoj ekonomii. Predislovie (A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959. P. 7.]

²⁵ Троцкий Л. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926. С. 66, 68. [Trotsky, L. K sotsializmu ili k kapitalizmu? (Analiz sovetskogo khoziaistva i tendentsii ego razvitiia) (Towards Socialism or Capitalism? (Analysis of the Soviet Economy and Trends in Its Development)). 2nd ed., Moscow, 1926. Pp. 66, 68.]

²⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

ся обострений, подрывной деятельности и даже войны, которую Ленин считал неизбежным следствием империализма, ведущем к его краху, а его левые последователи – в чем-то даже полезной, так как исторически она привела к революции в России. В этом смысле для левых Первая мировая война, так же, как и мировая революция, не закончилась. Они были лишь начальной фазой некоторого временно приостановившегося процесса, который должен возобновиться в ближайшее время.

Правые же вынуждены были использовать западные технологии, инвестиции и экспертизу, поэтому были более склонны к поддержанию нормальных отношений с развитыми странами по крайней мере на время переходного периода. Для них временная задержка мировой революции была неприятной, но не фатальной неожиданностью, которую они стремились прагматично использовать для осуществления догоняющего развития.

Наконец, суть третьей формы коммунистического режима, бюрократического, состоит в опоре не на сознательную массу или рыночные стимулы, но на партийно-бюрократический аппарат. С точки зрения идеологов новой партийной бюрократии, левая политика ведет к непредсказуемому хаосу, потере управляемости и экономическому краху что может привести к утере власти партией, являющейся гарантией построения коммунизма. Правый же курс точно так же отбирает власть у партии, возрождая или сохраняя неконтролируемые классы мелких предпринимателей и частников, у которых могут развиваться некоммунистические политические интересы. Бюрократы как правило согласны с левыми в необходимости немедленного обобществления, но для догоняющего развития используют не энтузиазм масс, а бюрократическое директивное планирование и государственное распределение. Они не отрицают материальное поощрение как таковое, но оно должно быть организовано государством, а не обусловлено рынком. Деньги также могут быть сохранены, но определение валютного курса и вся кредитно-денежная политика должны осуществляться государством. Контроль осуществляется легитим-

ными (с коммунистической точки зрения) партийно-государственными органами, которые, однако, в отличие от системы правых, получают полный контроль не только над политикой, но также и экономикой и культурой. Цель образования – подготовка кадров для государственной экономики и идеологической системы и навязывание культа социалистического государства, самоотверженности ради достижения его целей, так как мощное социалистическое государство становится гарантом построения коммунизма как в своей стране, так и в мире в целом.

Развивается социалистический государственный патриотизм, который часто упрощенно трактуется как возрождение традиционного национализма. Так, например, Сталина часто обвиняют в возрождении русского национализма. Сталин, конечно, был прагматичным политиком, и ради сохранения власти, мог решительно менять курс. Однако при этом он всегда облачал эти изменения во вполне марксистские формы. Он объяснял, что интересы СССР совпадают с интересами мировой революции на период ее задержки на Западе. Левый курс ведет к поражению советской базы мировой революции, а он сохраняет и укрепляет эту базу до лучших времен, когда новая война неизбежно приведет к победе коммунизма во всем мире. В 1927 г. Сталин так аргументировал свою позицию: «*Революционер* тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское государство, строящее социализм. *Интернационалист* тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»²⁶.

²⁶ Сталин И.В. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. Соч. Т. 10. М., 1953. С. 51. [Stalin, I.V. Ob'edinennyi plenum TsK i TsKK VKP (b) 29 iul'ia – 8 avgusta 1927 g. Mezhdunarodnoe polozhenie i oborona SSSR. Rech' 1 avgusta. (Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the C.P.S.U.(B.). July 29 – August 9, 1927. The International

Для левых коммунистов это было национальным эгоизмом и предательством мировой революции, для идеологов бюрократического пути – разумный прагматический курс в новых условиях.

Многие критики сталинизма, начиная с Троцкого, отмечали тот факт, что новая идеология советского патриотизма отвечает интересам новой правящей бюрократической постройки, состоящей не из революционеров, а новых людей пришедших во власть не ради лозунгов и хаоса, а ради нее самой и своего нового привилегированного положения, которой удобно пользоваться в условиях стабильности и всеобщего послушания²⁷. Это, конечно, так – за всякой идеологией стоят определенные социальные интересы. Однако это не означает, что только они и играют роль, идеология имеет и собственную логику. Сталинисты несколько изменили курс, адаптировали его к реальной ситуации, которая не вполне соответствовала теории, предложили решение, которое в большей степени соответствовало интересам нового бюрократического класса. Однако они действовали вполне в русле большевизма, вели дебаты в марксистско-большевистских формах, и не могли, например, вообще отбросить идеологию ради каких бы то ни было интересов, пусть даже они обеспечивались бы в этом случае еще более эффективно. Таким образом, сталинизм был вполне легитимным, но не единственно возможным, развитием большевистской формы марксизма в условиях «задержки» мировой революции²⁸.

Исторически к левой форме коммунистического государства можно отнести советскую Россию периода «военного

коммунизма», Китай периода «культурной революции», Камбоджу периода правления «красных кхмеров», Кубу (по крайней мере в первый период правления Ф. Кастро). К правой – СССР времен нэпа, Китай периода реформ Дэн Сяопина, нынешний режим социалистического Вьетнама, в какой-то степени социалистическую Югославию Тито и Венгрию Я. Кадара. К бюрократической: СССР от Сталина до Черненко и большинство коммунистических государств Восточной Европы, а к наиболее радикальной форме – Северную Корею. Конечно, предлагаемые модели являются чисто аналитическими, веберовскими «идеальными типами», в реальности у каждой страны и каждого периода имелись значительные особенности, связанные с адаптацией к конкретной ситуации и национальной политической культуре. Красные кхмеры, например, пошли несколько дальше обычной левой идеологии в аспекте перевоспитания, и решили буквально уничтожить прослойку «неправильно образованных соотечественников». Однако эту политику, в принципе, вполне можно было вывести из марксизма, так как еще в «Манифесте коммунистической партии» говорилось о том, что в результате революции вся существующая надстройка, составленная из слоев, образующих официальное общество, должна «взлететь на воздух» и что с буржуазией необходимо «покончить». Эти слова, конечно, можно трактовать с умеренных позиций, как уничтожение экономических и законодательных условий существования эксплуататорских классов, но при желании – и более радикально, как призыв к физической ликвидации их представителей. Там более, что камбоджийские революционеры были отлично знакомы и со сталинскими репрессиями и опытом маоистского Китая, а также с работами французских марксистов, оправдывавших революционное насилие. К тому же они перешли к физическому уничтожению не сразу, поначалу испробовав перевоспитание по китайскому образцу²⁹. В СССР,

Situation and the Defence of the U.S.S.R. Speech Delivered on August 1.) Collected Works. Vol. 10. Moscow, 1953. P. 51.]

²⁷ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919-1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 114-115. [Pantsov, A.V. Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii: Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919-1927) (A Secret History of Sino-Soviet Relations: The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919-1927)). Moscow: Muravei-Gaid, 2001. Pp. 114-115.]

²⁸ Ibid. С. 123.

²⁹ Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48 (20-22); Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform

несмотря на общий бюрократический характер власти, ее стиль значительно различался в зависимости от личности лидера: Сталин злоупотреблял репрессиями и напугал ими правящую бюрократию, которая после его смерти создала себе значительные гарантии путем восстановления партийного контроля за репрессивным аппаратом. Хрущев в существенных политических моментах, особенно в период борьбы с конкурентами, опирался на партийно-бюрократический аппарат, но его правление имело и значительные элементы левизны: веру в быстрое построение коммунизма, введение решительной борьбы с религией и с остатками индивидуальной собственности (ликвидация приусадебных участков), постоянную перестройку государственных органов. За этот сумбур, характерный для левого правления, он, собственно, и поплатился властью, когда его сверг аппарат, утомленный бессмысленными (для интересов этого аппарата) реформами. Титоизм включал в себя значительные элементы рабочего самоуправления, которые также вполне можно было вывести из учения Маркса. Этим, собственно, и занялись идеологи особого югославского пути (Э. Кардель, М. Джилас и другие), когда начали искать теоретическое обоснование разрыва со сталинским СССР³⁰. Но все эти особенности не противоречат факту наличия существенных общих черт, характерных для трех рассматриваемых моделей.

Китайские модели и современный политический режим КНР

Если рассмотреть более подробно эволюцию коммунистического политического режима в КНР на фоне выделенных трех моделей, то большая часть его истории представляется борьбой сторонников левого и правого коммунизма. КПК пришла к власти под правыми лозунгами. Хотя исторически в КПК влиятельные позиции занимали и

левые, в том числе и открытые троцкисты, однако ко времени прихода к власти практически все открытые левые были вычищены из партии. Правая идеология была выражена в программных работах Мао Цзэ-дуну, в особенности, в его статье «О новой демократии». В ней провозглашалось, что на первом, новодемократическом этапе революции, будет осуществляться диктатура не одного пролетариата, а «всех революционных классов», союза «всех антиимпериалистических и антифеодалных сил, руководимых пролетариатом», направленная лишь против национальных предателей, причем власть будет избираться на «подлинно всеобщих и равных выборах». В экономике, согласно Мао, в государственную собственность «должны быть переданы крупные банки, крупные промышленные и торговые предприятия», но «вовсе не будет конфисковаться капиталистическая частная собственность, кроме указанной выше, и отнюдь не будет запрещаться развитие такого капиталистического производства, которое не может «держаться в своих руках жизнь народа», так как экономика в Китае всё ещё крайне отсталая»³¹. Это программа, характерная для правого пути, практически повторяла советский нэп и была даже более терпимой по отношению к частным собственникам. Характерно, что Сталин, ликвидировавший нэп в СССР, рекомендовал Мао проводить в жизнь именно эту правую программу³². Такому подходу может быть только одно объяснение: советский вождь понимал, что

³¹ Мао Цзэдун. О новой демократии // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 199-276. [Mao Zedong. O novoi demokratii (About New Democracy) // Mao Zedong. Izbrannye proizvedeniia (Selected Works). Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953. Pp. 199-276.]

³² Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 56-57, 92-94. [Ledovsky, A.M. SSSR i Stalin v sud'bach Kitaia. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytii 1937–1952 (USSR and Stalin' Role in the Fate of China. Documents and Evidence of Events Participant: 1937–1952). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1999, pp. 56-57, 92-94.]

in Cambodia, 1975–1978 // Journal of Political Ideologies, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304-332.

³⁰ Пирьевец Й. Э. Кардель и Россия // Slovenica. 2018. С. 154-172. [Pirjavec, J. E. Kardel' i Rossiia E (E. Kardel and Russia) // Slovenica, 2018, pp. 154-172.]

Китай – гораздо более отсталая страна, чем Россия, и в ней с марксистской точки зрения совершенно невозможно говорить о немедленном построении коммунизма или даже социализма. И Мао на первых порах вынужден был с этим соглашаться.

Однако после прихода к власти постепенно выяснилось, что лидер китайских коммунистов писал правую эту программу лишь в пропагандистских целях, чтобы привлечь на свою сторону широкие слои населения и обеспечить их поддержку в борьбе с Гоминьданом, а в действительности был леваком. Тактика Мао сработала, он консолидировал власть и сразу же начал пытаться проводить левые меры. Но тут он столкнулся с проблемой: значительная часть его сторонников принимала правую программу за чистую монету и выступала за правый курс, некоторые (как, например, Чэнь Юнь) – за несколько более осторожную бюрократическую политику советского типа, но леваков среди них почти не было. Больше того, многие из них и пришли в КПК именно из-за того, что поддерживали правый курс, а искренние леваки (Чэн Дусю, Цюй Цюбо, Ли Лисань и др.) в основном были из ее руководства изгнаны. Таким образом в партии уже в 50-е годы развернулась борьба двух подходов, в которой Мао, как наиболее авторитетный лидер, хотя с трудом и не сразу, смог одержать верх³³.

Политика Мао Цзэдуна имеет все признаки принадлежности к левой модели. Это идея быстрого догоняющего развития за счет энтузиазма масс (Большой скачок), попытки возбудить этот энтузиазм различными идеологическими кампаниями, идея построения трудовых коллективов по военному принципу, непосредственный переход к коммунизму, основанному на самодостаточных народных коммунах (К. Маркс писал о свободных

³³ Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82-95. [Meliksetov, A.V. «Novaia demokratiia» i vybor Kitaem putei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (1949–1953 gg.) (“New Democracy” and China's Choice of Ways of Socio-Economic Development (1949–1953)) // Problemy Dal'nego Vostoka, 1996, No. 1, pp. 82-95.]

ассоциациях, которые при коммунизме приходят на смену классовому обществу³⁴), обвинение партийной бюрократии в неудачах этого курса и попытки ее уничтожить, заменив на непосредственное общения вождя с массами (Культурная революция), наконец, вера в неизбежность и полезность мировой войны для построения коммунизма, четко высказанное им в знаменитом выступлении на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в октябре 1957 г.³⁵ Конечно, Мао был китайским левым коммунистом, он впитал в себя стремление всех китайских реформаторов и революционеров, с конца XIX века стремившихся возродить Китай как мощное государство, занимающее достойное место в мире. Однако это не означает, что он был обыкновенным националистом, каким его, порой, пытаются представить. Никакой националист не стал бы намеренно разрушать систему государственной власти ради достижения идеологических целей, не стал бы этого делать и бюрократический или правый коммунист, однако идеология левого коммунизма вполне объясняет идею Мао о необходимости периодически устраиваемой культурной революции для борьбы с постоянно возрождающимся бюрократическим аппаратом. По сути, это та же «перманентная революция» Троцкого. Кроме того, в отличие от, скажем, от националистов из Гоминьдана, возрождение Китая Мао было нужно не само по себе, а как шаг к мировой революции. «Не мы хотим воевать, а они стремятся к войне... в крайнем случае погибнет половина людей, но останется ещё другая половина, зато империализм будет

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.]

³⁵ Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / под ред. О.В. Владимирова. М.: Прогресс, 1980. С. 244. [Vladimirov O.V. (ed) Maoizm bez prikras: Quotations from Mao Zedong (Maoism without embellishment). Moscow: Progress, 1980. P. 244.]

стёрт с лица земли, и весь мир станет социалистическим. Пройдёт сколько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и ещё больше», – говорил Мао на упомянутом совещании. Цель здесь – не восстановление конкурентоспособности Китая в мировой системе, а всемирный социализм.

В этом контексте гораздо легче понять логику разногласий Мао с Хрущевым. Во многом, это был спор левого коммуниста и коммуниста-бюрократа. Для левака Мао советские теории мирного перехода к социализму в капиталистических странах и отказ от войны – предательство мировой революции, а для бюрократа Хрущева – призывы к войне в условиях наличия ядерного оружия – безумие и самоубийство, к которому советский номенклатурный класс отнюдь не стремился. Чрезмерный культ личности для бюрократов – скорее извращение, или, как тогда говорили, «перегиб», а для леваков – суть системы и основная гарантия верности курса. Большой скачок и культурная революция для бюрократов – создание экономического хаоса и подрыв политической системы, а для леваков – подъем энтузиазма народных масс и борьба с обуржуазившемся бюрократическим классом, ставящим палки в колеса ускоренному развитию. Не следует также забывать, что до Мао левый курс в коммунистическом государстве последовательно и долго никто не проводил, поэтому его крах не был совершенно очевиден.

Конечно, Мао использовал отдельные элементы традиционной китайской идеологии и политики. Известно, например, что он резко критиковал конфуцианство, противопоставляя ему древнекитайский легизм (фацзя). Он также отдавал приоритет крестьянству, а не рабочему классу, который был в Китае малочислен. Но, помимо прагматических соображений, здесь также можно усмотреть роль левокоммунистической идеологии. Конфуцианство критиковалось за приверженность бюрократии, старому образованию и формальному ритуалу, основанному на культе старших. Левый же коммунизм борется с бюрократией и старым образованием и устанавливаемыми ими формальными общественными нормами, кото-

рые сдерживают революционный энтузиазм масс. В этом смысле легизм, призывающий к разрушению традиции особыми, выдающимися людьми, гораздо более соответствует левокоммунистической идеологии, как и вообще ленинизму с его вождизмом и особой ролью компартии. В «Книге правителя области Шан», основополагающей для легизма, говорится о том, что «мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никемный связан ритуалом»³⁶. Кроме того, легизм, как и левые, выступал за жесткую организацию общественного производства по военному образцу.

Это также объясняет, почему Мао предпочитал необразованных крестьян всем более образованным классам, считая бедность и необразованность не недостатком, а преимуществом. В 1956 г. он говорил: «Указанные два наших недостатка являются вместе с тем и достоинствами. Как я в своё время уже говорил, наша страна и бедная и отсталая... С точки зрения развития это отнюдь не плохо. Бедность побуждает к революции, богатому же трудно на неё подняться. Страны с высоким уровнем науки и техники обычно сильно зазнаются. Мы же представляем собой чистый лист бумаги, на котором удобно писать»³⁷.

Это означает, что необразованному легче привить новую, верную коммунистическую идеологию. Именно поэтому в 60-е годы XX века Мао, а не советские лидеры, пользовались популярностью у французских и прочих европейских леваков, воспитанных на теориях Л. Альтюссера и Г. Маркузе, согласно которым капиталистическая идеология насильно навязывается классо-

³⁶ Шан Цзюнь Шу. Древнекитайская философия. Т.2. М.: Мысль, 1973. С. 213. [Shang Jun Shu. Drevnekitaiskaia filosofia (Ancient Chinese philosophy). Vol. 2. Moscow: Mysl', 1973. P. 213.]

³⁷ Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. С. 332-358. [Mao Zedong. O desiati vazhneishikh vzaimootnosheniakh (On the Ten Major Relationships) // Mao Zedong. Revoliutsiia i stroitel'stvo v Kitae (Revolution and Construction in China). Moscow: Paleia-Mishin, 2000. Pp. 332-358.]

вым обществом его членам с детства в процессе социализации³⁸.

С другой стороны, маоизм подчеркивал роль перевоспитания, а не призывал физически уничтожать неправильно образованных. В этом плане гораздо большим легистом был Сталин. Эта левое стремление к перевоспитанию в конечном счете привело к тому, что в отличие от правых в СССР, где они были физически уничтожены, так и недоперевоспитанные правые в КНР пережили Мао, смогли прийти к власти и с успехом продолжили правый курс, который ранее успешно сворачивался Мао в 50-е годы, когда он начал «Большой скачок», и в середине 60-х, когда он сначала свернул курс на «урегулирование» и начал культурную революцию. Таким образом, маоизм можно назвать своеобразным левым коммунизмом или троцкизмом с китайской спецификой, а вовсе не традиционной китайской идеологией.

Реформы Дэн Сяопина и политика его последователей вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина четко вписываются в правокоммунистическую идеологию. Первой попыткой ее претворения в жизнь был советский нэп, разработанный еще Лениным, с его разрешением частной собственности в сельском хозяйстве, мелком и среднем бизнесе и сохранением «командных высот в экономике» за государством. Многие китайские руководители жили и учились в СССР именно в период нэпа и хорошо были с ним

³⁸ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> [Althusser, L. Ideologia i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlia issledovaniia) (Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation)) // *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, No. 3. Mode of access: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html>]; Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. [Marcuse, H. *Odnomernyi chelovek* (One-dimensional Man). Moscow: REFL-book, 1994.]; Wolin, Richard. *The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

знакомы (Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чжан Вэньтянь, Чжу Дэ, Ян Шанкунь и др.). Интерес китайских реформаторов к опыту советского нэпа, прежде всего, к работам Н.И. Бухарина, а также к периодам правой политики в других социалистических странах (Югославия, Венгрия), многократно описан. Идея Дэн Сяопина об обогащении первоначально некоторых регионов и части населения³⁹ вполне соответствует лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!». Осторожный внешнеполитический курс, суть которой выражает лозунг «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*), который должен был обеспечивать сотрудничество с развитыми странами для нужд внутреннего роста, также вполне отвечает правой идее⁴⁰.

Конечно, китайские правые пошли гораздо дальше, чем организаторы нэпа, досрочно отмененного Сталиным. Они фактически отодвинули границы переходного периода («начального периода строительства социализма» в китайской терминологии) на неопределенный срок – «100 или более лет». Частный бизнес распространился не только на мелкий и средний сектор, но практически на всю экономику. Однако сохранен важнейший признак ленинского социализма – власть компартии как гарантия ускоренного развития. Эта власть закреплена в конституции и в «четырёх базовых принципах», попытки пересмотреть которые жестко подавляются, в том числе и военной силой (как это было в 1989 г.).

Впрочем, как уже отмечалось, для про-

³⁹ Дэн Сяопин: Жан ибуфэнь жэнь сянь фу цилай (Дэн Сяопин: Пусть первоначально обогатятся некоторые регионы и часть людей). Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/34136/2569304.html> [Deng Xiaoping: Rang yibufen ren xian fu qilai (Deng Xiaoping: Let some areas and part of people get rich first). Mode of access: <http://cpc.people.com.cn/GB/34136/2569304.html>]

⁴⁰ Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэсюэ шэньши (Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени») // Чжунго фачжань. Февраль 2012. Т.12. № 1. С. 81-83. [Chen Wenliang. Dui “taoanguanghui” de zhexue shenshi (A Detailed Philosophical Examination of the position “keep a low profile”) // *Zhongguo fazhan*, February 2012, Vol. 12, No. 1, pp. 81-83.]

ведения правой политики в Китае не обязательно было быть бухаринцем. На первых порах сторонники бюрократической сталинской модели также поддерживали ее, так как, как указывалось выше, сталинское руководство поддерживало правую политику в Китае. Поэтому в реформаторском руководстве некоторую, хотя и не ведущую роль, всегда играли и сторонники бюрократического коммунизма (Чэнь Юнь, позднее Ли Пэн и др.)

В этом плане интересно проанализировать характер эволюции политического режима при Си Цзиньпине⁴¹. Основными характеристиками этой эволюции во внутренней политике является укрепление государственного контроля и государственной собственности в экономике, а также идеологических инструментов партии (введение и расширение различных политических занятий, отчетов, собраний критики и т.п.), попытки идеологически перевоспитать целые народы и религиозные группы, чистка партийного аппарата от коррупционеров, усиление роли партийно-государственной бюрократии, цензуры и контроля за СМИ и интернетом. Во внешней политике она ознаменовалась отказом от курса Дэн Сяопина на скромность, выдвиганием собственных региональных и даже глобальных инициатив, постоянное педалирование идеи необходимости поставить Китай в ряд крупнейших государств мира и получить достойную его долю в мировом раскладе сил. При этом все это сопровождается «напористыми» мерами, включающими создание военных баз за рубежом и принятием экономических санкций против стран, проводящих по отношению к Пекину «недружественный курс». Появился и новый внешнеполитический стиль, выражающийся в так называемой «дипломатии боевых волков», то есть активных поучениях, встречной критики и жесткой риторики со стороны ки-

тайских дипломатов по всему миру, доходящей до открытой грубости. Конечно, можно понимать эти изменения с реалистической точки зрения, просто как естественное следствие превращения Китая в мощную мировую державу. Однако тот факт, что этот новый внешнеполитический курс приводит не к повышению, а к снижению популярности Китая в большинстве стран мира⁴², говорит о том, что Пекин уходит от прагматики в сторону идеологизированности. При этом эти изменения можно понимать как движение от право-коммунистической модели в сторону бюрократически-коммунистической, конечно на совершенно новом уровне экономического развития, в новых международных условиях и с некоторым левым налетом. Бюрократической модели соответствуют почти все новые веяния китайской политики, за исключением, пожалуй, традиционного для маоизма упора на перевоспитание и публичной резкой критики оппонентов, напоминающих период культурной революции.

В целом такое развитие китайской политической системы объяснимо. В 2012 г. перед новым руководством стояло несколько проблем, главная из которых виделась ему в перспективе эволюции в сторону обычного неидеологического государственного капитализма, да еще и насквозь коррумпированного. Фактически, КПК становилась мало отличной от потерпевшего от нее в 1949 г. поражение Гоминьдана. Коммунистические лозунги приобретали формальный характер, в партию, в соответствии с теорией «трех представительств» Цзян Цзэминя, активно шли предприниматели, что делало ее «коммунистичность» весьма условной⁴³. Пытаться изменить эту ситуацию можно было тремя путями: проводить демократизацию западного типа, чтобы бороться с коррупцией и застойными явлениями открыто-

⁴¹ См.: Денисов И. Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт // *Контрапункт*. Декабрь 2017. № 10. С. 1-8. [Denisov, I. Povelitel' kompasa: kak Si Tszin'pin izmenil kitaiskii politicheskii landshaft (Lord of the Compass: How Xi Jinping Changed the Chinese Political Landscape) // *Kontrapunkt*. December 2017, No. 10, pp. 1-8.]

⁴² Silver, Laura; Devlin, Kat. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries / Pew Research Center, October 6, 2020. Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/>

⁴³ Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

стью, гласностью и средствами правового государства, левым ударом по бюрократии или восстановлением бюрократического контроля, попытавшись очистить бюрократию от коррупционеров административно-идеологическими методами.

Печальный опыт горбачевских реформ, приведших к уходу от власти КПСС, распаду СССР и экономическому спаду 90-х годов в России, надолго отбил у китайских руководителей желание идти по этому пути. Левый путь также был неприемлем, так как вел к экономическому и политическому хаосу. Оставался третий, бюрократический путь, который и был избран. Даже китайские методы борьбы с эпидемией коронавируса и упор на защиту окружающей среды в ущерб интересам экономического развития свидетельствуют о торжестве бюрократической модели – экономический рост теперь не главное, основная цель – правильное и стабильное функционирование общества под руководством обновленной и очищенной от коррупции бюрократии. Конечно, китайская реальность далека от сталинской, хрущевской или брежневской бюрократической модели. Уровень репрессий гораздо ниже, чем в сталинском СССР, роль рыночной экономики во многом сохраняется, эффективность управления гораздо выше, чем в хрущевском и брежневском СССР. Если с чем-то и можно сравнить современный Китай, то с попыткой реализовать на новом уровне модель, которую хотел, но не смог осуществить премьер А.Н. Косыгин в середине 60-х годов: идеальную плановую систему, основанную на «научных» методах, и подразумевающую некоторые элементы материальной заинтересованности и рынка. Удастся ли ее осуществление китайскому руководству, обладающему для этого гораздо лучшими начальными условиями, предсказать сложно.

Выводы

Сравнительно длительное успешное развитие современного Китая ставит серьезные вопросы перед исследователями коммунистических систем, историками и политологами в целом. Главный вопрос за-

ключается в том, существует ли эффективная альтернатива основанному на рыночной экономике и демократическо-правовой политической системе пути развития, который можно назвать «западным». Господствующие теории говорят о том, что такого пути нет, а мир развивается поступательно, в разных своих регионах более или менее быстро приближаясь к западной модели. Согласно одной из таких теорий, экономическое развитие ведет к модернизации экономической системы и всего общества, в результате чего в нем растет средний класс, который начинает требовать политических прав, и демократизация становится неизбежной. В этом случае материковый Китай должен развиваться по пути Японии, Южной Кореи и Тайваня и рано или поздно превратиться в большой Тайвань – остров, населенный китайцами, и с практически полностью вестернизированными политической и экономической системами.

Политика Си Цзиньпина направлена на то, чтобы опровергнуть эту теорию. Окажется ли эта попытка успешной, сказать трудно. С одной стороны, имеющийся исторический опыт показывает, что почти все страны Восточной Азии шли по этому пути. С другой, можно поставить вопрос о том, свидетельствует ли это о жесткой исторической тенденции или просто о силе влияния западной модели развития в конкретный исторический период. Ведь Япония радикально изменила политическую и экономическую систему только в результате оккупации США, Тайвань – под их сильным давлением, в Южной Корее и до сих пор размещены американские войска, а Сеул находится в сильной зависимости от Вашингтона.

В современном мире относительное влияние США падает, не в последнюю очередь в связи с ростом экономической и политической роли Китая. Запад сам находится в кризисе, и его модель развития уже не столь привлекательна, появились серьезные конкуренты. Не захлебнется ли в этих условиях следующая «волна демократизации»? И не превратится ли в этих условиях Китай не в большой Тайвань, а в большой Сингапур – государство, где большинство населения составляют этнические китайцы, но

которое, развив эффективную современную экономику, пока не собирается менять авторитарную политическую систему.

Конечно, в каждом таком случае можно утверждать, что авторитаризм в любой стране – явление временное, и все страны движутся к западной политической системе, только одни медленнее, чем другие. Так говорили и коммунисты, утверждавшие, что все страны рано или поздно придут к коммунизму, одни раньше, а другие позже, причем в поступательном историческом движении к светлой коммунистической цели возможны даже временные откаты и отступления. Но ведь на историю политических режимов можно посмотреть и в более широкой исторической перспективе. Действительно, коммунистические режимы существовали исторически короткий период, на сегодня это чуть более ста лет, причем большая их часть исчезла. Но ведь и современные режимы западного типа существуют не так уж и долго. Если считать со времени образования США, то это не более, чем 250 лет, причем некоторые из них явно эволюционируют в обратную сторону (Россия, ряд постсоветских государств, Турция, даже такие члены ЕС, как Польша и Венгрия). Между тем, авторитарные режимы самых разных типов существовали всегда, а отдельные авторитарные государства – гораздо дольше, чем демократии и коммунистические режимы. Римская империя на западе просуществовала пятьсот лет, а на Востоке – еще тысячу, Оттоманская империя – около шестисот лет. История древнеегипетского царства и традиционной китайской империи насчитывают по нескольку тысяч лет. При этом отдельные правители и династии могли меняться, но сам тип государства во многом сохранялся. Конечно, говорят, что сегодня ход времени ускорился, но не является ли это взгляд результатом аберрации зрения тех, кто естественным образом считает собственное время наиболее значимым, и события, которые ближе к нему, рассматривает более подробно?

Важную роль в западоцентризме играет возникшая в период Просвещения в Европе идея прогресса. Именно с ней связаны две коренные черты современной западной

историософии: убеждение в поступательном движении истории к некоему абсолютному идеалу и уверенность в том, что этот идеал находится на Западе. При этом конкретный идеал разные западные мыслители понимали по-разному: французские просветители как абстрактную просвещенную монархию или некую республику будущего, отцы основатели США – как собственную систему, Гегель – как современное ему Прусское государство, К. Маркс и Ф. Энгельс – как утопический коммунистический идеал, который должен одновременно возникнуть в «цивилизованных государствах» Европы и США. Большинство сегодняшних политологов, в соответствии с этой традицией, считают, что все общества идут к «современной демократии», основанной на рыночной экономике, которая если еще и не полный идеал, то, по крайней мере, гораздо ближе к нему, чем все прочие общества. Но не станет ли и этот тип государства историческим эпизодом в существующем многообразии различных общественных систем? Не создадут ли в коммунистическом Китае ему современную эффективную альтернативу? Или, может быть, эта альтернатива станет неким возвращением на новом уровне к тысячелетней китайской государственной традиции, и тогда революционный период сам станет коротким эпизодом в ней, чем-то вроде короткого и яркого правления Эхнатона в тысячелетней истории Египта фараонов?

Вряд ли кто-то сегодня может точно ответить на эти вопросы. Представляется, что вестернизация Китая по тайваньскому образцу не исключена, но также вряд ли стоит сбрасывать со счетов и вариант нахождения им собственной модели развития. Это не означает, что в Китае будут невозможны смуты и смены власти. Его сверхцентрализованная система управления неустойчива к кризисам и безопасна только в случае выполнения властью обязанностей по повышению жизненного уровня населения. Любой серьезный экономический кризис может вызвать и кризис всей властной системы, так как винить будут ее, а сменить лидеров в случае разочарования ими, сохранив систему, как это обычно происходит в демократии, будет невозможно из-за отсутствия

соответствующих механизмов. Однако даже если в результате такого кризиса конкретные лидеры или даже партия вынуждены будут уйти, это совершенно не означает, что новая система власти будет соответствовать идеальной западной модели. Об этом свидетельствует опыт многих государств: России, Ирана, Ирака, Ливии, где после отстранения жестких авторитарных режимов политическая система либо во многом вернулась к традиции, либо превратилась в хаотическую. Даже в центре Европы некоторые государства, такие как Польша или Венгрия, не знавшие демократии до коммунизма, скорее возвращаются к традиционному мягкому авторитаризму, чем к современной западноевропейской системе.

В этом плане проделанный нами анализ современной китайской политической модели с точки зрения трехмодельной классификации политических режимов коммунистических государств представляет определенный интерес. На основании этой классификации, можно, например, предварительно заметить, что именно бюрократические коммунистические режимы скорее склонны к эволюции в сторону некоммунистического общества, тогда как подобная эволюция левокоммунистической модели в принципе невозможна, а правокоммунистической – маловероятна. Ведь именно бюрократические коммунистические государства советского блока за несколько лет ликвидировали у себя коммунистическую власть⁴⁴. Возможно, это связано с тем, что в бюрократической системе со сменой нескольких поколений правящая бюрократия начинает чувствовать себя связанной партийной диктатурой и стремится освободиться от рамок бессмысленных идеологических, политических и экономических ограничений, ограничивающих ее привилегии и достаток. В правокоммунистических режимах же бюрократия, тесно связанная с бизнесом, не чувствует такой скованности и может позволить себе более обеспеченную и свободную жизнь. Впрочем, это не означает что ки-

тайская бюрократическая модель обречена. Китай тысячелетия правился бюрократией, к тому же его специфика настолько велика, что он вполне может дать пример некоей новой, ранее невиданной эффективной государственной организации.

В любом случае, китайский эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише, все еще господствующих в мировой политологии и исторической науке.

Литература:

- Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Браун А.* Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150-160.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.
- Ленин В.И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969.
- Мао Цзэдун.* О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Паляя-Мишин, 2000.
- Мао Цзэдун.* О новой демократии // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 199-276.
- Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / под ред. О.В. Владимировой. М.: Прогресс, 1980.
- Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
- Маркс К.* Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
- Меликсетов А.В.* «Новая демократия» и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82-95.
- Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.
- Пирьевец Й.* Э. Кардель и Россия // Slovenica. 2018. С. 154-172.
- Денисов И.* Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт // Контрапункт. Декабрь 2017. № 10. С. 1-8.

⁴⁴ Из правокоммунистических такое произошло лишь в Югославии, однако ее модель весьма специфична и решающую роль здесь сыграл национализм ее составных частей.

Солженицын А.И. Раскаianie и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. Публицистика. Париж, 1989. С. 45-65.

Сталин И.В. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. Соч. Т. 10. М., 1953. [

Троцкий Л. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926.

Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэсюэ шэньши (Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени») // Чжунго фачжань. Февраль 2012. Т.12. № 1.

Шан Цзюнь Шу. Древнекитайская философия. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

Beck, Carl. Patterns and Problems of Governance. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975.

Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956.

Roberts, Andrew. The State of Socialism: A Note on Terminology // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349-366.

Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48.

Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304-332.

Holmes, Leslie. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

Meyer, Alfred G. The Comparative Study of Communist Political Systems // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3-12.

Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) Communist Studies and the Social Sciences. Chicago: Rand McNally, 1969.

Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300-313.

Wolin, Richard. The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

References:

Beck, Carl. Patterns and Problems of Governance. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Social-

ist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975.

Berdyayev, N.A. Dukhi russkoi revoliutsii (Spirits of the Russian Revolution) // *Vekhi. Iz glubiny (Milestones. From the Depth)*. Moscow: Pravda, 1991.

Berdyayev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma (The Origins and Meaning of Russian Communism). Moscow: Nauka, 1990.

Brown, Archie. Vzlet i padenie kommunizma (The Rise and Fall of Communism). Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2014. Pp. 150-160.

Chen Wenliang. Dui “taoanguanghui” de zhexue shenshi (A Detailed Philosophical Examination of the position “keep a low profile”) // *Zhongguo fazhan*, February 2012, Vol. 12, No. 1.

Denisov, I. Povelitel’ kompassa: kak Si Tszin’pin izmenil kitaiskii politicheskii landschaft (Lord of the Compass: How Xi Jinping Changed the Chinese Political Landscape) // *Kontrapunkt*. December 2017, No. 10, pp. 1-8.

Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

Engels, Friedrich. Anti-Diuring (Anti-Dühring) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1961.

Engels, Friedrich. Printsipy kommunizma (The principles of communism) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1955.

Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) Communist Studies and the Social Sciences. Chicago: Rand McNally, 1969.

Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956.

Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48.

Holmes, Leslie. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Ledovsky, A.M. SSSR i Stalin v sud’bakh Kitaiia. Dokumenty i svidetel’stva uchastnika sobytii 1937–1952 (USSR and Stalin’ Role in the Fate of China. Documents and Evidence of Events Participant: 1937–1952). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1999.

Lenin, I.V. Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution) // Lenin I.V. Polnoe sobranie sochinenii (Collected Works). 5th ed. Vol. 33. Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1969.

Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

Mao Zedong. O desiati vazhneishikh vzaimootnosheniiaxh (On the Ten Major Relationships) // Mao Zedong. Revoliutsiia i stroitel’stvo v Kitae (Revolution and Construction in China). Moscow: Paleia-Mishin, 2000.

Mao Zedong. O novoi demokratii (About New Democracy) // Mao Zedong. Izbrannye proizvedeniia (Selected Works). Vol. 3. Moscow: Izdatel’stvo inostranoi literatury, 1953. Pp. 199-276.

Marcuse, H. Odnomernyi chelovek (One-dimensional Man). Moscow: REFL-book, 1994.

Marx, Karl. K kritike politicheskoi ekonomii. Predislovie (A Contribution to the Critique of Political Econo-

my. Preface) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959.

Marx, Karl. Kritika gotskoi programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961.

Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.

Marx, Karl; Engels, Friedrich. Sochineniia (Collected Works). Vol. 35. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1964.

Meliksetov, A.V. «Novaia demokratiia» i vybor Kitaem putei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (1949–1953 gg.) (“New Democracy” and China’s Choice of Ways of Socio-Economic Development (1949-1953)) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1996, No. 1, pp. 82-95.

Meyer, Alfred G. The Comparative Study of Communist Political Systems // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3-12.

Pantsov, A.V. Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii: Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919-1927) (A Secret History of Sino-Soviet Relations: The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919-1927)). Moscow: Muravei-Gaid, 2001.

Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304-332.

Pirjevec, J. E. Kardel' i Rossiia E (E. Kardel and Russia) // *Slovenica*, 2018, pp. 154-172.

Roberts, Andrew. The State of Socialism: A Note on Terminology // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349-366.

Shang Jun Shu. Drevnekitaiskaia filosofii (Ancient Chinese philosophy). Vol. 2. Moscow: Mysl', 1973.

Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300-313.

Solzhenitsyn, A.I. Raskaianie i samoogranichenie kak kategorii natsional'noi zhizni (Repentance and Self-Limitation as Categories of National Life) // *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika (Journalism)*. Paris, 1989. Pp. 45-65.

Stalin, I.V. Ob"edinennyi plenum TsK i TsKK VKP (b) 29 iuliia – 8 avgusta 1927 g. Mezhdunarodnoe polozenie i oborona SSSR. Rech' 1 avgusta. (Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the C.P.S.U.(B.). July 29 – August 9, 1927. The International Situation and the Defence of the U.S.S.R. Speech Delivered on August 1.) Collected Works. Vol. 10. Moscow, 1953.

Trotsky, L. K sotsializmu ili k kapitalizmu? (Analiz sovetskogo khoziaistva i tendentsii ego razvitiia) (Towards Socialism or Capitalism? (Analysis of the Soviet Economy and Trends in Its Development)). 2nd ed., Moscow, 1926.

Vladimirov O.V. (ed) Maoizm bez prikras: Quotations from Mao Zedong (Maoism without embellishment). Moscow: Progress, 1980.

Wolin, Richard. The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028

THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN CHINA AND THE TYPOLOGY OF COMMUNIST REGIMES

Alexander V. Lukin

*National Research University Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13.04.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 31.05.2021</p>	<p>Abstract: The article analyzes the nature of the political system of modern China in the context of the typology of communist political regimes. The author argues that the typologies of communist regimes proposed so far are of little use, since the differences between the regimes were not considered deeply enough, while the ideology factor was not actually used as a criterion for typological differences. The article proposes a new typology of communist regimes, in which the ideological factor is the key criterion. Based on the analysis of various communist regimes in accordance with the ideological criterion, the author identifies three main types of communist regimes: left-communist, right-communist and bureaucratic, and defines the current Chinese regime as evolving from right-communist to bureaucratic. The author concludes that the Chinese political experiment deserves close study and a departure from the West-centric clichés that still dominate world political science and historical science, and the new typology of communist regimes can serve as a useful tool both for its analysis and for clarifying the prospects for China's development.</p>
<p>About the author: Doctor of History, Head of the International Laboratory for Research on World Order and New Regionalism, National Research University Higher School of Economics; Director of the Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: lukinru@yahoo.com</p>	
<p>Key words: political regime; communism; socialism; China; right-wing communism; left communism; bureaucracy</p>	

Для цитирования: Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 63-84.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028

For citation: Lukin, Alexander V. Politicheskaya sistema sovremennoy Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov (The Political System of Modern China and the Typology of Communist Regimes) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 63-84.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028